

БОЕВАЯ ХРОНИКА

РОМАНЫ О ПАМЯТНЫХ БОЯХ

Наша главная ошибка этого года заключалась в том, что мы наступали на Сухиничи. Не Сталинград и Кавказ, не «генеральное наступление» против Советского Союза в целом, а Сухиничи!

*Адольф Гитлер.
12 декабря 1942 г.*

Каждый помнит по-своему, иначе, и Сухиничи, и Думиничи, и лесную тропу на Людиново — обожжённое, нелюдимое...

*Семён Гудзенко.
1942 г.*

ПРОЛОГ

В квартире 97-летнего ветерана раздался телефонный звонок. Сиделка подала трубку:

— Вас, Евгений Александрович.

Ему звонили нечасто. В основном перед 9 Мая и в сам праздник. В эти дни вспоминали сразу все: телеканалы, газеты, школы, активисты. Впрочем, был ещё один день — 7 Ноября. Накануне он традиционно получал приглашение от правительства Москвы на реконструкцию парада, в котором участвовал в далёком 1941 году. И неизменно откликался на это приглашение, каждый раз переживая своё прошлое.

Правда, в последний раз его сильно подморозили. Посадили на пластиковый стул и оставили одного. Ветер был пронизывающий. Он сидел и дрожал. Вспомнили, когда появился мэр. Помогли привстать, поздороваться. Затем репортёры, как всегда... Не слушают... Прерывают на полуслове... Всё быстрее, быстрее... Никто из них и не поинтересовался, как он себя чувствует.

А его буквально колотило от холода. И несколько дней потом он провёл в постели с температурой и кашлем.

Да, вспоминали нечасто. Всё свободное время он в основном проводил в компании сиделок, которые работали посменно и в вечерние часы покидали его квартиру. Далее для него начиналась мука. Он оставался один в пустом, безлюдном пространстве. От этого одиночества хотелось выть.

Всю жизнь занимавшийся интеллектуальным трудом, профессор, доктор философских наук, он не выносил умственного бездействия. Его мозг требовал постоянной подпитки. И хотя немного спасали книги и свежие газеты, ему надо было не только брать, но и отдавать. Не хватало живого общения с заинтересованным собеседником. Хотелось рассказывать и рассказывать о пережитом. Пока жив, поскольку в его возрасте каждый прожитый день был подвигом.

Неужели никому не интересна правда о войне? То, что он видел собственными глазами? Сколько лжи и грязи заполонило экраны телевизора. Сколько сомнительных книг и публикаций выпущено о том времени. Сколько непотребностей вылезло наружу. Одну из таких статей не так давно он прочитал в своей любимой «Литературке». «Правда солдата Никулина» — так, кажется,

она называлась. Он читал и задыхался от возмущения. Ну разве можно печатать такое!

Вот он действительно никогда не врал. Говорил только правду. Всегда. Всю жизнь. В глаза Любому. Таков характер. Такая закалка. Военная. «Жить не по лжи» — хороший девиз, жаль, принадлежит одному из самых подлых людей современности. Если бы конкретно его, Евгения Ануфриева, спросили, какое напутствие он хотел бы адресовать потомкам, он бы ответил: «Живите честно!» Это было его кредо. Прислушается ли кто-нибудь к нему сегодня? Вряд ли. Времена другие...

— Евгений Александрович, вы слышите? Вас спрашивают, — повторила Галина.

Ах, да! Он взял трубку.

— Алло.

— Здравствуйте, Евгений Александрович.

Хотя Ануфриев и пользовался слуховым аппаратом, но сумел различить приятный мужской голос.

— Здравствуйте, — ответил он.

— Моя фамилия Аверкин. Не могли бы мы с вами встретиться? Я хочу подробнее узнать о своём дяде. Я знаю, вы воевали вместе с ним...

«ВСТАВАЙ, СТРАНА ОГРОМНАЯ»

— Какая ночь! Это просто сказка!

Тоня подпрыгивала от радости, цепко ухватившись за его руку. Подол её платица развевался от этих движений, оголяя колени. Белые туфельки гармонировали с тканью в мелкий горошек, а каштановые локоны делали и без того миленькое личико настолько очаровательным, что он постоянно пытался найти предлог приблизиться к ней на расстояние дыхания, а может, и ближе.

Сегодня уже третья ночь, которую они, гуляя по Москве, проводят вместе. Третья после успешной сдачи экзаменов и получения аттестата о среднем образовании. Очередная тёплая июньская ночь. И ему кажется, что сегодня он непременно должен её поцеловать.

— Даже не верится, что всё позади! Все эти экзамены, переживания, зубрёжки... — Тоня кружила и кружила не переставая. — Ты хоть понимаешь, что мы вступаем во взрослую жизнь?

Настоящую взрослую жизнь! Где все решения предстоит принимать самим!

— Эка невидаль! Получается, я чуть ли не с семи лет живу взрослой жизнью. — Он улыбнулся, чтобы его слова не выглядели бахвальством.

— А и правда, Жень, расскажи о своей семье. Я только слышала, что ты с малых лет без родителей. Каково оно? Трудно небось?

«Какая она наивная, эта Тонька, — подумал он, — наивная и непосредственная». Может, этим она и подкупила его. А ещё лёгким характером и неугасимым оптимизмом.

— Пойдём-ка присядем, — предложила она, видя, как ухажёр от такого предложения слегка сконфузился. — Давай рассказывай! Мне правда интересно.

Это прозвучало так доверительно, что он невольно сдался.

— Маму я вообще не помню. Два года мне было, когда её не стало. Знаю, что трудолюбивая была очень. Да у нас вся семья трудолюбивая. Мы же родом из-подо Ржева, тверские. Дед с бабкой ещё в крепостных ходили, но потом выкупили у помещика землю и такую ферму отгрохали, ты бы видела! Хутор практически! И всё своим трудом. Пять коров, три лошади, овцы, пасека своя. Двухэтажный дом.

— Ух, куркули какие! — незлобно сказала Тоня.

Но, видно, эта тема для Жени была болезненной.

— Какие ж куркули? Нас, почитай: дед, бабка, мать с отцом и девять детей от мала до велика. И все с утра до вечера либо в поле, либо на хозяйстве. Всё своим горбом. А после революции свою же землю и свой же хутор пришлось у государства взять в аренду. Второй этаж в доме заняла коммуна. Так вот представь, наши старшие уже с поля идут, а коммунары только глаза продирают. Из-за них небось отец-то и пошёл по этапу. Кто-то во время продрозвёрстки в его зерно грязь подсыпал. Сам бы он никогда такого не сделал. Пять лет с конфискацией. 1928 год. Вот с этого времени я и остался без родителей. Отец хотя и вернулся потом, но прожил недолго.

— Так ты, наверное, должен люто ненавидеть советскую власть?

— По логике, вроде так, но на самом деле в нашей семье этот вопрос даже не поднимался. Все всё понимали. Лес рубят — щепки летят. А власть — она народная, своя власть. Как её не любить? Мы всегда были патриотами.

Женя вдруг осознал, что от рассказа об истории семьи незаметно перешёл к пролетарским лозунгам и решил немедленно исправиться.

— А знаешь, какие у меня братья и сёстры? Это же просто уникальные люди. Все получили воспитание и хорошее образование, достигли больших успехов. Старший брат, Иван, который мне практически вместо отца, так как разница у нас в возрасте двадцать лет, окончил МВТУ. Инженер-строитель. Правда, не могу тебе сказать, каким он строительством занимается, это закрытая информация. Второй брат, Иннокентий, тоже инженер, только литейщик, на «Станколите». Третий — Николай — геодезист. Ну и сёстры от них не отстают. Татьяна окончила сельскохозяйственный институт, Шура — педагог, а ещё Мария, Тоня, Нина... Что-то я тебя совсем заговорил. Ты небось из вежливости поинтересовалась, а я и давай распинаться.

— Ну что ты, что ты, очень интересно!

— Да? — усмехнулся Женя. — А хочешь, скажу, к чему меня братья пристрастили?

— Угу, — почти по-детски заморгала глазами подружка.

— К охоте! — многозначительно сказал Женя. Было видно, что он придаёт этому очень важное значение и считает чуть ли не главным достижением для своего молодого возраста.

— Мы и на уток, и на зайцев ходили. Знаешь, как сложно в бегущего зайца попасть, когда он из стороны в сторону по кочкам шарахается? А в

утку? Надо уметь высчитывать траекторию её полёта. Я и белок бил. Не в глаз, конечно, но добывал.

— Ой, Жень, они же все такие милые. Как можно? Жалко же!

— Знаешь что, Тонь, это извечное мужское занятие. Можно сказать, самая древняя мужская профессия. Мужчина — всегда добытчик. Да и навыки, между прочим, очень даже могут пригодиться, всё-таки в беспокойное время живём. А природу я не меньше любого другого люблю. А подмосковную природу так вообще обожаю.

— Слушай, Жень, — Тоня вдруг решила перевести разговор в другое русло, — давно хотела тебя спросить... Не знаю, удобно ли?

— Валяй, чего там... — Жене было хорошо с ней, не напряжно. По крайней мере, какого-то подвоха с её стороны ждать не приходилось.

— Что у тебя с пальцем? Чем это ты его?

— Ах, это... — сказал Женя в задумчивости. Он даже демонстративно повертел перед глазами указательным пальцем правой руки. Фаланга была укороченной и слегка искривлённой. — Да уж, красивого мало...

— Да я не об этом, ты не подумай! Больно, наверное, было?

— А я и не помню даже. Мне ещё и двух лет не было, когда это случилось. Говорят, кричал как оглашенный. Ну ещё бы!

— А что произошло-то?

— Что произошло? А вот ты, к примеру, знаешь, что такое медогонка?

— Нет.

— Ну да, откуда тебе? Ты ж городская, — ухмыльнулся он незлобно. — Это такой металлический бак для отжимания мёда. Я же тебе рассказывал, что у нас пасека была. Так вот, к баку приделана ручка, при вращении которой центробежная сила выталкивает из сот мёд. Но, кроме ручки, в этом баке ещё есть шестерёнки, и все такие красивые. Я в детстве очень любил наблюдать за их вращением, а однажды просто не сдержался и сунул палец. А брат знай себе крутит, не сразу остановился.

Тоня даже поморщилась, представив эту жуткую картину. Женя, заметив это, решил приобрести подружку.

— Но ничего, как видишь, жив-здоров, — сказал он весело. — Даже неплохим охотником заделался.

— Как же ты стреляешь? Это же как раз этим пальцем и надо давить...

— Приспособился другим, средним. Вот, правда, само ружьё сложновато на двух остав-

шихся удерживать, но при определённой сноровке и с этим можно справиться.

Женя улыбался открытой улыбкой. Ему нравилось выглядеть перед сверстницей, к которой он испытывал симпатию, не лишённым мужества человеком.

— Слушай, я о тебе так много узнала. А то обычно всё хиханьки да хаханьки. А сегодня ты мне открылся совершенно другим. Интересным. Глубоким. Надёжным.

Глаза молодых людей встретились. Он разглядел в её взгляде что-то такое, что и без слов заставляет следовать взаимному притяжению...

Блаженство первого поцелуя прервал грубый старческий голос:

— Эй вы, голубки! Ишь ты, расселись тут! Ещё неприличия всякие вытворяют. А ну кыш, пока не наподдал!

Парочка вскочила и понеслась от свирепого ревнителя нравов, который хоть и махал им вслед метлой, но делал это без злобы и даже посмеивался в густые прокуренные усы.

Женька Ануфриев был не из тех, кто пасовал в подобных ситуациях. При других обстоятельствах он бы нашёл что ответить напустившему на себя суровость дворнику, но тут сработали молодецкое озорство и солидарность с не на шутку испугавшейся спутницей.

Пробежав не меньше квартала, Женя и Тоня остановились и на сбивчивом дыхании стали в голос смеяться.

— Хорошо провели время, — немного отдышавшись, сказал Женя.

— Ага, и даже с приключениями, — как всегда, сверкнула белозубой улыбкой Тоня.

— Смотри-ка, шесть уже, — глянул он на часы. — А спать совершенно не хочется. Сейчас забегу домой, позавтракаю и махнём с ребятами куда-нибудь. Воскресенье всё-таки.

— Куда, если не секрет?

— Ну, либо на «Динамо», либо в Сокольники. На «Динамо» сегодня парад и массовые соревнования физкультурников. В Сокольниках тоже какое-то молодёжное гулянье.

— К институту-то готовиться думаешь?

— А как же! Обязательно! Сейчас от школы немного отдохну — и вперёд!

— Ну ладно, пока. Ты не подумай ничего такого...

— Да что ты! Это была самая сказочная ночь в моей жизни! Вечером на этом же месте?

Тоня ничего не ответила, за неё говорила её улыбка.

Евгений с сестрой обитали в районе Никитских ворот. Комнатушка была совсем маленькой — около девяти метров. Отопление печное,

как у многих. Жили хоть и нелегко, но хорошо, дружно. Да и много ли нужно было?

Поелозив ключом в замочной скважине, он открыл дверь и позвал:

— Шура! Ты дома?

Никто не ответил. Всё понятно: уже убежала. Она с утра мыла полы в какой-то конторе — подрабатывала. Какая ни есть, а копеечка в дом. Хотя братья и подкидывали ей на содержание младшего отпрыска семейства Ануфриевых по 50 рублей каждый месяц, но всё равно приходилось крутиться, чтобы ни в чём не знать нужды. Парень рос, затрат требовалось всё больше. Вон даже на прошлогоднюю демонстрацию на Красной площади пришлось надеть чужой костюм, своего не нажили ещё.

Спать не хотелось. На столе, накрытая белым вафельным полотенцем, стояла тарелка с варёной картошкой и аппетитно пахнувшей курочкой. Правда, в этой, по сути, роскошной пище Евгений поковырялся совсем немного. Но зато с удовольствием выпил большую кружку чая.

Ел он обычно мало, ровно столько, сколько было нужно для нормальной жизнедеятельности. Женя всегда был худым и подвижным. Любил спорт, но спорт скоростной — бег, лыжи. В школе в этих состязаниях ему не было равных.